

Ф. Бродель

**Структуры повседневности возможное и
невозможное**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 330
ББК 65
Ф11

Ф11 **Ф. Бродель**
Структуры повседневности возможное и невозможное / Ф. Бродель – М.: Книга по Требованию, 2024. – 622 с.

ISBN 978-5-519-66137-9

Русский перевод изданного во Франции сочинения Ф. Броделя "Материальная цивилизация, экономика и капитализм".

ISBN 978-5-519-66137-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ФЕРНАН БРОДЕЛЬ И ЕГО ВИДЕНИЕ ИСТОРИИ

Советскому читателю предлагается русский перевод изданного во Франции в 1979 г. трехтомного сочинения Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.». Это – второе крупное исследование Ф. Броделя. Первое – «Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II»¹ – было опубликовано в 1949 г. В течение тридцати лет, разделяющих эти две даты, Ф. Бродель занимал центральное место во французской историографии. После Марка Блока (1886–1944 гг.) и Люсьена Февра (1878–1956 гг.) – основателей исторической школы «Анналов» – Ф. Бродель, став общепризнанным лидером этого научного направления, продолжил их «битвы за историю»², предназначением которой, как они считали, должно было стать не простое описание событий, не беззаботное повествование о них, а проникновение в глубины исторического движения, стремление к синтезу, к охвату и объяснению всех сторон жизни общества в их единстве.

Две основные работы Ф. Броделя и представляют собой конкретную попытку такого исторического синтеза: в одном случае в масштабе крупного Средиземноморского региона XVI в., а в другом – в масштабе всего человечества с XV по XVIII в. Эти работы – высшее достижение школы «Анналов», лучшее выражение присущего этому историографическому направлению способа воссоздания истории, а их автор Ф. Бродель – оригинальный мыслитель, один из крупнейших современных историков, достойный представитель прогрессивной французской интеллигенции, способствовавший укреплению интернациональных связей между учеными всех стран, в частности между французскими и советскими историками. Как исследователь он всегда выбирал непроторенные пути, отыскивал для решения сложные проблемы. Не все они, разумеется, решались одинаково успешно, но в целом творческие поиски Ф. Броделя оказались весьма плодотворными.

Именно этим, очевидно, и объясняется все нарастающий в последние годы интерес к нему во многих странах мира: его

¹ Braudel F. *La Méditerranée et le Monde méditerranéen de Philippe II*. P., 1949.

² «Битвы за историю» – так Л. Февр назвал опубликованный в 1953 г. сборник своих статей: *Combats pour l'histoire*. P., 1953.

³ См. например:

Hexter J. H. *Fernand Braudel and the Monde Braudelien*.—*Journal of Modern History*, Chicago, 1972, № 4; Trevor-Roper H. R. *Fernand Braudel, the Annales and the Mediterranean*.—*Journal of Modern History*, Chicago, 1972, № 4; Cedronio M., Dias F., Russo C. *Storiografia francese di ieri e di oggi*. Napoli, 1977; Stoianovich T. *French Historical Method*. London, 1976.

Perrot J.-Cl. *Le présent et la durée dans l'oeuvre de Fernand Braudel*.—*Annales E.S.C.*, 1981, № 1.

⁴ См., например:

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977; Соколова М. Н. *Современная французская историография*. М., 1979; Афанасьев Ю. Н. *Историзм против эклектики*. М., 1980; Далин В. М. *Историки Франции XIX–XX веков*. М., 1981.

⁵ Бродель Ф. *Свидетельство историка* — «Французский ежегодник, 1982», М., 1984, с. 174.

⁶ Там же, с. 175.

труды переводятся на многие языки и издаются большими тиражами, а критическая литература о нем исчисляется на сегодня сотнями названий³. В советской историографии работы Ф. Броделя, его историческая концепция были проанализированы с марксистских позиций, дана оценка его изысканиям как в области методологии истории, так и конкретно-исторических вопросов⁴.

Публикация в русском переводе работы «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» призвана расширить представление советского читателя о творчестве этого ученого.

I

Ф. Бродель родился в 1902 г. в небольшой деревушке на востоке Франции. Там он провел свое детство, туда он многократно наведывался уже в зрелом возрасте. Эти годы жизни в деревне оставили в нем, по его признанию, глубокий след: «Я еще видел за работой деревенского кузнеца и тележника, бродячих лесорубов; видел, как крутилось колесо старой мельницы, быть может построенной некогда для местного сеньера одним из моих предков»⁵. Возможно, деревенская жизнь во многом способствовала и формированию свойственного Ф. Броделю мировосприятия, которое нашло отражение в его работах; она наделила его умением внимательно наблюдать за медленным, почти незаметным течением времени, за «мелочами» спокойной повседневности. И видимо, не случайно даже в довольно кратком введении к первому тому «Материальной цивилизации» Ф. Бродель в очередной раз говорит о своих деревенских впечатлениях. Его философско-исторические размышления об отмеченной знаком рутины материальной жизни, о сложных переплетениях различных уровней исторической реальности, о диалектике времени и пространства и тому подобное дополняются воспоминаниями о деревне, которую он хорошо знал и которая «еще в 1929 г. жила чуть ли не в XVII и XVIII вв.».

Годы учебы Ф. Бродель провел в Париже. Он окончил лицей Вольтера и Сорбонну. Его дипломная работа была посвящена довольно типичной для того времени локальной теме — «Бар-ле-Дюк в первые три года Революции». «Как и всех левых студентов того времени, — писал Ф. Бродель, — меня больше всего привлекала Революция 1789 г.»⁶

С начала 20-х и примерно до середины 30-х годов (исключая 1925–1926 гг., когда он служил в армии) Ф. Бродель находился в Алжире, читая курс истории в одном из местных лицеев. Это были годы, во многом предопределившие всю его дальнейшую творческую жизнь. Прежде всего отметим обстоятельство, на первый взгляд не столь уж серьезное, — он полюбил Средиземное море. Совершая поездки по странам Северной Африки вплоть до Сахары, он увидел этот регион как бы с «другого берега». Это, казалось бы, сугубо личное, психологическое обстоятельство повлияло не только на проблематику его исследований, но в значительной мере и на его исторические воззрения в целом.

⁷ Там же, с. 176.

⁸ Журнал несколько раз менял название: с 1929 г. по 1939 г. – *“Annales d'histoire économique et sociale”*, с 1939 по 1941 г. – *“Annales d'histoire sociale”*, с 1942 по 1944 г. вместо закрытых в годы фашистской оккупации «Анналов» выходили отдельные сборники – *“Mélanges d'histoire sociale”*. В 1945 г. вышли два сборника в честь М. Блока – *“Annales d'histoire sociale”*. С 1946 г. и по настоящее время – *“Annales. Économies. Sociétés. Civilisations”*.

⁹ См.: Блок М. *Апология историзма*. М., 1973, с. 12.

Пребывание в Алжире способствовало духовному обогащению Ф. Броделя, формированию его политических взглядов. Правда, поначалу, восхищаясь пейзажами Средиземноморья, он и не подозревал, какая социально-политическая, колониальная драма вызревала в этом регионе. «Угрызения совести»⁷, как он сам об этом говорит, осознание царящей здесь социальной несправедливости придут к нему несколько позднее. А пока что, особенно с начала 30-х годов, он испытывал огромное беспокойство в связи с событиями, происходившими в Германии.

В 1928 г. Ф. Бродель опубликовал свою первую статью «Испанцы в Северной Африке», а в 1930 г. выступил с докладом на конгрессе французских историков, состоявшемся в Алжире. Примерно в это же время определилась и первоначальная тема его диссертации – «Филипп II. Испания и Средиземноморье». Это была классическая для Сорбонны того времени тема из области политической истории, и в таком ее виде она не таила в себе каких-то особых возможностей для крупных открытий. Научное прозрение Ф. Броделя, а вместе с ним и совершенно иной поворот исследования произойдет где-то в конце 30-х годов, после нескольких лет, проведенных им в архивах разных городов Европы (Парижа, Мадрида, Венеции, Нюрнберга, Аугсбурга, Лейпцига, Дрездена и др.), после прочтения километров отснятых им в хранилищах микрофильмов.

Становление Ф. Броделя как историка происходило в период глубоких перемен в представлениях о социальной сущности современного мира и о физических его свойствах. Прошло совсем немного времени после первой мировой войны и потрясшей весь мир в 1917 г. величайшей в истории революции. В 1929 г. на Западе разразился жесточайший экономический кризис. Устоявшаяся в веках система ценностей стала пересматриваться. Под воздействием открытий, с одной стороны, Бора – Резерфорда, с другой – Лоренца – Пуанкаре – Эйнштейна рухнули вековые представления о микро- и макромире, о способах познания.

В первые три десятилетия XX в. в результате явной неспособности дать научное объяснение исторического процесса потерпели полное банкротство многие концепции из арсенала традиционной буржуазной историографии, а вместе с ними и доминировавшие в ней школы и направления. У тех обществоведов, которые пытались найти вне марксизма ответы на поставленные жизнью вопросы, назрела потребность в более широких научных обобщениях, в более углубленных раздумьях о судьбах цивилизации. Выразителями этих потребностей во Франции стали ученые – историки, социологи, географы, экономисты, – которые объединились в сравнительно небольшую группу вокруг созданного М. Блоком и Л. Февром в 1929 г. в Страсбурге журнала «Анналы экономической и социальной истории»⁸. Основоположники «Анналов» выступили против «прозябавшей в эмбриональной форме повествования» «событийной истории»⁹ во имя создания проблемной, «синтетической» истории, призванной ставить и решать проблемы. Основную задачу исторической науки они видели в создании всеобъемлющей истории – «истории, которая стала бы центром, сердцем обще-

¹⁰ "Annales E. S. C.", 1953, p. 512.

ственных наук, средоточием всех наук, изучающих общество с различных точек зрения – социальной, психологической, моральной, религиозной, эстетической и, наконец, с политической, экономической и культурной»¹⁰. Выступая за обновление истории, М. Блок и Л. Февр доказывали, что к числу исторических фактов относятся не только «события» из сферы политической жизни, но прежде всего явления, процессы, в том числе социально-экономического развития. «Анналы» М. Блока и Л. Февра выступили за разработку «истории масс» в противовес «истории звезд», они ратовали за человека-труженика, за историю, видимую не «сверху», а «снизу». В «Анналах» разрабатывалась «география человека», история материальной культуры, историческая антропология, социальная психология и другие остававшиеся до того в тени направления исторических исследований.

В том же русле развивались и творческие поиски Ф. Броделя. Он неоднократно встречался с М. Блоком, со многими из тех, кто объединился тогда вокруг «Анналов», а в 1932 г. встреча с Л. Февром положила начало их дружбе на всю жизнь.

В 1939 г. Ф. Бродель готов был приступить к написанию книги о Средиземноморье. Казалось, все необходимое для реализации этого замысла было налицо: за год до этого он получил назначение в Практическую школу высших исследований в Париже, подготовительная работа была завершена. Но началась война, и Ф. Бродель оказался на фронте. Во время разгрома французской армии он попал в плен и с 1940 по 1945 г. провел в лагерях для военнопленных; сначала он находился в Майнце, а с 1942 г. был переведен в лагерь особого режима в Любеке.

Эти трудные годы Ф. Бродель жил напряженной, до предела насыщенной интеллектуальной жизнью. То были годы раздумий, когда складывалось его видение истории. Не имея под рукой необходимых материалов, но обладая феноменальной памятью, он много работал, исписывая одну школьную тетрадь за другой и регулярно отправляя их Л. Февру. В результате им был написан первый вариант огромной по объему (1160 страниц) и увлекательнейшей по содержанию книги об истории Средиземноморья.

Броделевское видение истории с этого времени определялось прежде всего стремлением понять людские свершения и сделать их понятными для других. Правда, под воздействием той страшной обстановки, в которой оказался весь мир, под воздействием тягостных событий тех лет и на основе уже сформировавшихся у него к тому времени мыслей об истории это стремление преломилось весьма своеобразно. Ф. Бродель всеми силами хотел отойти от событий войны, от повседневности тех трудных лет, но отойти не в смысле отвернуться от них, будто этих событий вовсе нет, а отойти в смысле подняться над ними, взглянуть на них несколько со стороны, увидеть за ними те глубинные силы, овладев которыми можно было бы не допустить, преодолеть эти события. Вот откуда поначалу совершенно непонятное стремление Ф. Броделя к несобытийной истории в то самое время, когда именно события терзали и весь мир, и его самого, вот откуда опять-таки необъяснимое на первый взгляд

его продолжительное, на все время пребывания в лагере, мысленное погружение в XVI век.

Явление в самом деле не совсем обычное: из лагеря для военнопленных особого режима идет поток школьных тетрадей со странными названиями: «В сердце Средиземноморья», «Доля среды», «Коллективные судьбы и общее движение», «Человеческое единство. Пути и города». «Мне необходимо было верить, — пишет в связи с этим Ф. Бродель, — что история, что судьбы человечества свершаются на более глубоком уровне... В невообразимой дали от нас и от наших повседневных бед творилась история, верша свой неторопливый оборот, такой же неторопливый, как та древняя жизнь Средиземноморья, чью неизменность и своего рода величавую неподвижность я столь часто ощущал»¹¹.

От обдумывания темы исследования до публикации книги о Средиземноморье прошло около 20 лет. В 1947 г. Ф. Бродель защитил диссертацию, а в 1949 г. вышла и книга, которая и по форме и по содержанию вписалась в представляемое «Анналами» историографическое направление. В ней, как писал Л. Февр, воплотилось все, «чего на протяжении 20 лет добивались все мы, будь то Марк Блок, Анри Пиренн, Жорж Эспинас или Андре Сайу, Альбер Деманжон, Анри Озе или Жюль Сион — я называю только умерших, — в нашем стремлении создать историю более живую, более продуманную, более действенную, более приспособленную к нуждам нашей эпохи»¹².

Эти слова Л. Февра воспроизведены здесь не только потому, что они наиболее точно передают, как было встречено и оценено броделевское «Средиземноморье» его сторонниками во Франции. Они как бы символизируют передачу эстафеты от первого ко второму поколению историков школы «Анналов». Олицетворением первого были Л. Февр и М. Блок (разумеется, как и все названные Февром имена), второго — безусловно, Ф. Бродель.

В послевоенный период Ф. Бродель какое-то время смотрелся как одна из трех вершин французской историографии; две другие — это Эрнест Лабрус (р. в 1895 г.) и Пьер Ренувен (1893–1974 гг.). Но примерно с середины 50-х годов к нему надолго перешло единоличное лидерство. В 1949 г. он становится заведующим кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс и с этого же времени — председателем жюри по защите диссертаций по истории. С 1956 г., после кончины Л. Февра, он возглавляет журнал, который вскоре после войны обрел теперешнее его название — «Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации». С этого же времени в журнале стало все отчетливее проявляться присущее Ф. Броделю видение истории.

Важное значение с точки зрения ориентации значительной части осуществлявшихся во Франции научных исследований имело назначение Ф. Броделя на пост президента VI Секции (исследования в области социальных и гуманитарных наук) Практической школы высших исследований в Париже. Все эти назначения дали Ф. Броделю большие возможности распространять свои идеи, определять направления научных поисков, ориентировать молодых ученых, публиковать книги, воодушевлять размышления о характере и содержании исторической науки, о ее

¹¹ Бродель Ф. Ук. соч., с. 178.

¹² Febvre L. *Un livre qui grandit*. — «Revue historique», 1950, vol. 3, p. 224. Цит по: Далин В. М. Указ. соч., с. 197.

месте в обществе, о ее отношениях с другими социальными науками. В 1962 г. Ф. Бродель становится главным администратором созданного по его инициативе «Дома наук о человеке». Появилась еще одна дополнительная возможность для утверждения того типа исторической науки, за которую вели битвы М. Блок и Л. Февр, науки, идущей навстречу другим отраслям знаний: примерно до середины 60-х годов она была обращена лицом прежде всего к географии, экономике и социологии, а в последние годы – к психологии, антропологии и лингвистике.

В 60–70-е годы работы Ф. Броделя и его разносторонняя деятельность как организатора научных исследований получают широкое международное признание. С его именем связывают окончательное утверждение заложенного уже в трудах М. Блока и Л. Февра нового типа исторической рефлексии, далеко за пределами Франции стали говорить о «феномене» «Анналов» и об их доктрине как о концепции истории, существенно отличающейся от всех остальных. Ф. Бродель становится почетным доктором университетов Брюсселя, Оксфорда, Мадрида, Женевы, Варшавы, Кембриджа, Лондона, Чикаго и др., его именем называют один из научно-исследовательских центров в США. В эти годы Ф. Бродель прилагал огромные усилия (и не только административные) для решения проблемы междисциплинарных связей. В лекциях и периодических публикациях он неутомимо доказывал необходимость междисциплинарного диалога, боролся против постоянной опасности фрагментации знания¹³.

Результатом этих усилий Ф. Броделя, как и всех, кто объединился вокруг «Анналов», стало теперь уже практически всеобщее среди французских обществоведов убеждение (зафиксированное в вышедшем в 1982 г. официальном коллективном издании «Науки о человеке и обществе во Франции»), что «в эпистемологическом смысле нельзя иметь социологию или антропологию, оторванную от истории, или историю, оторванную от экономики или антропологии, и психология не может развиваться в отрыве от лингвистики, социологии или биологии. По этим же причинам невозможно развивать собственно социальную науку в отрыве от других наук. Напротив, в рамках научной политики необходимо обеспечить развитие и взаимный обмен достижениями между всеми науками о человеке и обществе»¹⁴.

В 70-х годах произошел заметный поворот в общей ориентации историографического направления, представляемого «Анналами»¹⁵. Новые директора журнала – Э. Ле Руа Ладюри, М. Ферро, Ж. Ле Гофф и др. – стали осуществлять коллективное руководство, а Ф. Бродель, хотя формально он и продолжал оставаться одним из его директоров, фактически уже давно покинул свое детище. Все эти перемещения в руководстве журнала – лишь внешние проявления глубоких изменений в общенаучной проблематике, в теоретико-методологической оснащенности и идеологической направленности «Анналов» на третьем, современном этапе их развития.

В научно-исследовательской проблематике отчетливо наблюдается продвижение, как это квалифицируют сами предста-

¹³ Особенно характерны в этом отношении две публикации Ф. Броделя: *Histoire et sciences sociales. La longue durée.* – *Annales E. S. C.*, 1958, № 4, а также: *idem. Unité et diversité des sciences de l'homme.* – *“Revue de l'enseignement supérieur”*, 1960, № 1. Все наиболее важные статьи Ф. Броделя о теоретических проблемах исторической науки опубликованы им в сборнике «Записки об истории»: Braudel F. *Écrits sur l'histoire.* P., 1969.

¹⁴ *Les sciences de l'homme et de la société en France. Analyse et propositions pour une politique nouvelle.* P., 1982, p. 23.

¹⁵ См. об этом подробнее: Афанасьев Ю. Н. *Вчера и сегодня французской «новой исторической науки».* – «Вопросы истории», 1984, № 8.

вители третьего поколения «Анналов», «от подвала к чердаку», т. е. от геоистории, от экономической и социальной исторической действительности в сферу духовной жизни общества, к истории *mentalités*. В теоретическом плане идет пересмотр всех наиболее важных понятий (глобальная история, социальное время, исторический факт, исторический источник), бывших основополагающими для историков первых двух поколений «Анналов». На уровне идейно-политическом отчетливо просматривается движение от сциентизма к идеологизации, к открытому антимарксизму и антикоммунизму. Все это и вынудило, очевидно, Ф. Броделя сделать признание: «Когда я их [т. е. «Анналы». – Ю. А.] оставил в 1970 г., они не соответствовали уже замыслу ни Блока, ни Февра, ни моему собственному. Я просто перестал лично ими заниматься, поскольку они стали для меня чужими»¹⁶. Что же касается самого Ф. Броделя, то основным предметом его забот в 70-е годы было завершение и подготовка к изданию «Материальной цивилизации» – труда, написанного в духе «классических», а не «обновленных» уже к тому времени «Анналов».

Первый том этой работы под названием «Возможное и невозможное: люди перед лицом их повседневной жизни» вышел в свет еще в 1967 г., а в 1979 г. были опубликованы все три тома этой работы. В соответствии с общим замыслом был несколько переработан и первый том, который в новом издании изменил свое название – «Структуры повседневности: возможное и невозможное».

Трехтомное сочинение Ф. Броделя – это итог тридцатилетнего труда, это фундаментальное, осуществленное в мировом масштабе исследование экономической истории с XV по XVIII в. Объектом исследования здесь является один из переломных периодов истории – период разложения феодального и становления капиталистического общества.

Работа изобилует фактическим материалом, в большинстве своем неизвестным нашему читателю. Она написана на основе архивных источников, с учетом практически всей имеющей отношение к теме литературы. В ней более 5500 сносок, более 500 иллюстраций, карт, графиков, схем, гравюр, фотографий. Излагаемый автором обширнейший фактический материал, охватывающий многие века мировой истории, разные страны и континенты, раскрывает перед читателем до этого неведомые ему многие интересные и значимые реальности из прошлого человечества. В этой связи можно сослаться на американского историка Гекстера, который писал о работах Ф. Броделя: «Его обширное видение, чудо его исторической эрудиции заставляет меня краснеть за мой узкий кругозор и ограниченные знания»¹⁷. По словам Гекстера, Ф. Бродель испытывает «огромное удовольствие» и от изложения крупнейших линий развития, и от изложения мельчайших подробностей, иногда подробностей ради подробностей. У него неудержимое стремление путешествовать повсюду, все видеть и обо всем рассказать, у него, как у Рабле, «интерес ко всему»¹⁸. «Методологически, – заметил в этой же связи советский историк В. М. Далин, – Бродель – сторонник широчайших обобщений, «глобальной истории», но как иссле-

¹⁶ *Les 80 ans du "pape" des historiens. Entretien avec Fernand Braudel.* – «L'Histoire», 1982, № 48, p. 75–76.

¹⁷ Hexter J. H. *Fernand Braudel and the Monde Braudélien.* – «Journal of Modern History», Chicago, 1972, № 4, p. 537.

¹⁸ *Ibid.*, p. 522–524.

¹⁹ Далин В. М.
*Историки Франции
XIX–XX веков*. 1981,
с. 208.

²⁰ Duby G. *Le patron d'un
grand atelier*. – “*Le
Monde*”, 14 décembre
1979, p. 23.

²¹ “*L'Histoire*”, 1982,
№ 48, p. 71.

дователь, как историк он, к величайшему счастью, «искатель жемчуга», пытливейший охотник за конкретными, мельчайшими деталями... Это счастливое сочетание и обеспечило Броделю то высокое место во французской исторической науке XX в., которое он занял, несмотря на все спорные стороны его исторической теории»¹⁹.

Эту же особенность в творчестве Ф. Броделя подчеркивают и многие его коллеги во Франции. «Среди историков моего поколения, – пишет один из крупнейших современных медиевистов Ж. Дюби, – думаю, что мало таких, кто бы не был ему обязан чем-то главным. Есть много и таких, которые обязаны ему почти всем». Далее Ж. Дюби перечисляет некоторые свойства творческого почерка, профессионального мастерства Ф. Броделя – его терпеливое трудолюбие, пристрастие к сбору и обработке документов, его ненасытное чтение, дни и ночи в архивах, библиотеках, в его собственном обширном рабочем кабинете, заваленном книгами, ворохами книг²⁰. И сам Ф. Бродель на вопрос о том, что он главным образом читает, ответил: «Без всякого сомнения – архивы. У меня безудержная страсть к документу, который еще никто не знает, к кипам бумаг, которые еще никто не перелистывал. Я бесконечно предпочитаю рукопись печатному изданию. И еще у меня есть одна плохая привычка: я люблю побывать на месте, посмотреть на вещи с близкого расстояния»²¹.

Теперь мы имеем перед собой три тома, в которых воплотилась огромная, подавляющая эрудиция Ф. Броделя, где систематизированы собранные за многие десятилетия и во многих странах мира архивные документы. Уже только по одной этой причине работа представляет большой интерес не только для историков, экономистов, социологов, но и для тех, кто интересуется этнографией, исторической демографией, историей культуры.

В этом самом общем представлении «Материальной цивилизации» нельзя не сказать и о том, что Ф. Бродель неукоснительно следовал правилу: «Дать увидеть – так же важно, как дать понять». В его описаниях неторопливой повседневности есть нечто близкое и по форме, и по существу стилю импрессионистов с характерной для них прозрачной непосредственностью, эмоциональностью и красочностью, что в сочетании с глубоким анализом делает многие страницы работы Броделя яркими и впечатляющими.

И все-таки всякого, кто найдет время прочитать без малого две тысячи страниц трехтомника Ф. Броделя, ожидает не беззаботное удовлетворение любознательности, не легкая прогулка в прошлое, а сложный, труднопреодолимый путь, подобный путешествию на плотах по огромной, полноводной и в то же время извилистой и порожиистой реке, которая, то замедляя течение, разливается так, что ее берега теряются из виду, то, оказавшись зажатой меж скал, углубляется, набирает огромную скорость.

Как преодолеть такую реку? Как достигнуть цели – глубже понять и на этой основе критически осмыслить результат многолетнего труда талантливого ученого?

Для этого, очевидно, следует, во-первых, уяснить основные, наиболее важные теоретические принципы, которыми руководствовался Ф. Бродель, приступая к этому очередному своему исследованию, и, во-вторых, попытаться понять общую структуру и отыскать главную идею всей работы, ту ее центральную ось, доминанту, которая если не объясняет все, то все ставит на свои места, всему придает определенный смысл.

II

Во введении к своему сочинению Ф. Бродель написал, что оно задумано им «вне сферы действия теории, любых теорий – единственно под знаком конкретного наблюдения и одной только сравнительной истории. Истории, сравнительной во времени... сравнительной для возможно более обширного пространства, ибо исследование мое... охватывает весь мир, оно имеет «всемирный» масштаб. Как бы то ни было, на первом плане остается конкретное наблюдение»²².

²² См. настоящую работу, т. I, с. 35.

Очень многие зарубежные авторы, выступавшие с рецензиями на рассматриваемую работу Ф. Броделя, ухватились за эти слова – «конкретное наблюдение... вне каких бы то ни было теорий» – как за своего рода девиз, авторское кредо, как гарантию подлинной научности, непредвзятости, объективности. Однако ничего, пожалуй, не может быть более ошибочного, чем пытаться представить эту работу в виде образчика некоего ползучего эмпиризма. Собственно, и сам Ф. Бродель говорит, что конкретное наблюдение остается лишь на первом плане. А что представляет собой задний план?

Внимательное ознакомление с сочинением Ф. Броделя (на основе изучения его творчества в целом) дает все основания утверждать, что фундаментом этого труда, его каркасом является если и не одна, единая, методологически связанная теория, то, уж во всяком случае, некая совокупность основополагающих теоретических положений, над разработкой и обоснованием которых Ф. Бродель трудился многие годы. И начал он эти разработки задолго до того, как приступил к написанию «Материальной цивилизации».

Читателям работы Ф. Броделя, возможно, будет небезынтересно предварительно, хотя бы в самом общем плане, узнать, что представляют собой эти основополагающие, цементирующие его труд теоретические положения, как и когда они разрабатывались.

Так вот, первый и едва ли не один из решающих шагов в этом направлении был сделан Ф. Броделем в конце 30-х годов в процессе переосмысления темы своей диссертации.

Ближайшим видимым результатом этого стало то, что на первом месте в диссертации оказался не Филипп II с его средиземноморской политикой, а Средиземное море и мир Средиземноморья, история этого региона в XVI в. Казалось бы простая перестановка слов в названии темы, не более того. На самом же деле – это внешнее проявление глубокого переосмысления самого назначения исторического исследования, которое, как озарение, стало для Броделя – и не только для него одного – чем-то

вроде «Сезам, откройся!» и позволило совершенно другими глазами взглянуть на самый предмет научных изысканий, усмотреть невидимую ранее, но гораздо более удобную для исследователя обзорную площадку, неизмеримо расширившую исторические горизонты. Испанский монарх из всемогущего властелина, из центрального персонажа вселенной превратился в своего рода фигуранта. И произошло это вовсе не потому, что новый ракурс рассмотрения истории затмил или сделал менее примечательными деяния этого владыки. Просто они обрели новый, если и не вполне адекватный, то по крайней мере более соответствующий им масштаб. Политические события, если на них посмотреть с новой, броделевской точки обзора, выглядели как относительно мелкие свершения, лишь поднимающие пыль на очень тоненьком, поверхностном слое исторической реальности. Взору открылись глубинные, гораздо более мощные ее пласты, где зарождались и набирали силу все наиболее перспективные, жизнеопределяющие потоки, где медленно приспосабливались к естественной среде сменяющие одна другую ирригационные культуры, где оживали горы, изрезанные за столетия сетью троп и дорог.

В «Средиземноморье» отчетливо просматриваются все наиболее важные составляющие броделевского видения истории. Главная точка прицела здесь – это «конфронтация» географии и истории, диалектика пространства и времени, постигаемая в самом широком толковании этих двух категорий. Этот сюжет (по меньшей мере со времен Монтескье) давно и прочно удерживается во французской гуманитарной мысли. До Ф. Броделя он получил наиболее полное воплощение в «географии человека» П. Видаля де Лаблаша, которая, по словам Ф. Броделя, «помогает отыскать самые медлительные структурные реальности»²³: эти неустойчивые, но долговременные равновесия между людьми, между климатом и почвой, землей и морем, животными и растениями, равновесия, фиксирующие возможности и пределы цивилизации.

В трудах Ф. Броделя диалектика пространства и времени углубляется и получает дальнейшее развитие. Три основные части его книги о Средиземноморье – «Доля среды», «Коллективные судьбы и общее движение», «События, политика и люди» – это три разных плана, три уровня, в которых одна и та же историческая реальность схватывается по-разному, содержательные и пространственно-временные ее характеристики (быстротечные событийно-политические на самом верхнем уровне, значительно более долговременные социально-экономические на более глубоком и почти вневременные природно-географические на самом глубинном уровне) изменяются.

Различение этих трех уровней (фактически Ф. Бродель усматривает еще несколько уровней и в каждом из этих трех) – это не искусственное рассечение живой реальности, а рассмотрение ее в разных преломлениях. Во второй части книги, где речь идет об экономике, об обществах и цивилизациях, Ф. Бродель старается ответить на вопрос, как приходящие из этой глубины волны возбуждают всю совокупность средиземноморской жизни, каким образом все эти глубинные силы преломляются в таком, напри-

²³ Braudel F. *La Méditerranée...*, 2e éd., P., 1966, vol. I, p. 21.